

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА ПОДЛАЯ...

Рассказ -Быль

Проблема призыва на фронт насильственно переселенных крайне мало исследована в историографии. Скучность рассекреченных архивных данных не позволяет представить весь масштаб мероприятий по призыву с 1941 по 1945 годы. Существуют единичные публикации, посвящены численности призванных и законодательному сопровождению процесса призыва спецпереселенцев. Некоторые исследователи объединяют численность призванных в РККА с призванными в трудовые батальоны во время войны в рамках трудмобилизации помимо РККА, что приводит к неверным итоговым цифрам призванных в армию.

Спецпереселенцы, являясь репрессированными, были лишены гражданского избирательного права и свободы передвижения. Спецпереселенцы имели еще ряд ограничений: не могли быть членами профсоюзов; не призывались в армию; при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах спецпереселенцам не выдавались; с их зарплаты удерживалось от 5 до 25% на расходы НКВД по их управлению и обслуживанию.

Военное время диктовало государству жесткие условия пополнения мобилизационных ресурсов. С начала войны ГУЛАГ дал указание на местах ускорить освобождение трудпоселенческой молодежи. В марте 1942 года в высших органах власти началось обсуждение вопроса о призыве спецпереселенцев на фронт. Изначально вопрос был рассмотрен в НКВД, прежде всего в рамках Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения. Следует отметить, что в НКВД были определенные сомнения по вопросу призыва раскулаченных: в частности, в ГУЛАГе опасались реакции остального населения, призванного на фронт. Официально раскулаченные продолжали считаться врагами советского строя. В итоге было решено призывать не высланных глав семей, а только детей «бывших кулаков», достигших призывного возраста.

Начальник ОТСП (Отдела трудовых и специальных поселений) ГУЛАГа НКВД СССР 16 марта 1942 года в докладной записке начальнику ГУЛАГа НКВД, в частности, отмечал: «...Вопрос о призыве в Красную Армию категории трудпоселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, приобретает сейчас двоякое значение. Во-первых, речь идет более чем о 100 тыс. человек призывного возраста. Во-вторых, будучи почти во всех правах уравниены, все трудпоселенцы оказались как бы забронированными от мобилизации... Насколько мне известно, постановления Правительства, запрещающие привлечение к отбыванию воинской обязанности трудпоселенцев, нет. Есть только отношение Г.У. Красной Армии от февраля 1940 года... Думаю, что целесообразность призыва 2-х и 3-х членов семей бывших кулаков, а не глав, сомнений вызывать не может... Поэтому полагаю, что, в целях ускорения решения вопроса, целесообразно написать в Совнарком за подписями НКВД и НКО...»

Учет трудпоселенцев призывного возраста также проводился два раза, перед каждым призывом. Количество трудпоселенцев призывного возраста по данным НКВД на 30 мая 1942 года составило более 67 тыс. человек, из которых более половины (51%) были направлены на фронт. На 1 августа призывников из трудпоселков было учтено 74 646 человек, из которых 24% были призваны.

Апрель 1942 года. село Осакаровка.

На столе у первого секретаря Осакаровского райкома ВКП(б) Александра Алексеевича Чаругина лежала телеграмма – молния, пришедшая прямиком от руководства Казахской ССР. В телеграмме сухим казенным языком была дана команда обеспечить и провести мобилизацию в Красную Армию, с спецпереселенческих поселков Осакаровского района 5 тысяч мужчин призывного возраста из семей «кулаков». У руководителя района собиралось экстренное совещание: председатель исполкома, комендант района, военный комиссар, главврач.

А по улице Больничной в селе Осакаровка, в небольшой землянке с двумя оконцами на улицу праздновали свадьбу. Взрослый сын вдовы Коржавиной, Александр, парень 23 лет, работающий в колхозе коннохом привел в дом молодую жену, сиротку Галю, которая жила у дальней родственнице, на соседней улице. Девочке исполнилось с месяц назад 18 лет и они решили пожениться. Да и как свадьбой это назовешь? Несколько человек близких, да несколько соседей, гармонист Федот со своей гармошкой вот и все. Скучно и бедно еще жили, только- только, стали забывать «соленые» 30 годы, но тем не менее, порядок должен быть порядком. На стол выставили все что было можно найти в сельпо, вытащили заготовки из погреба, картошки было много, ее напекли и нажарили, да с квашенной капусточкой, да под «казеночку», захмелевший гармонист Федя рвал гармонь, сидевшие по лавкам тянули песни, а влюбленные не отрывали друг от друга счастливых глаз сидели тихо прижавшись друг к другу. Подвыпившие гости горланили «Горько», молодые чинно вставали и целовались. Худенькая Галя тонула в объятиях Александра, как и сам парень тонул в омуте больших глаз своей суженой. И ни что им не мешало наслаждаться своим маленьким счастьем.

Май 1942 года. станция Осакаровка.

В конце мая небольшая железнодорожная станция Осакаровка напоминала большой растревоженный улей. Уже несколько дней проходили проводы мобилизованных жителей Осакаровского района в действующую армию. Вокзал и привокзальная территория забита людьми. День и ночь, на подводах и пешими колоннами прибывали новобранцы и провожающие. Район в срочном порядке выполнял план по мобилизованным, более 5 тысяч новобранцев было поставлено под ружье, распределены по командам, по воинским эшелонам и в течении последних нескольких дней мая отправлялись кто куда, кто в запасные полки, кто на передовую. Наверное, с тысячу людей сегодня на вокзале, с Караганды подошел воинский поезд, одни теплушки. Осакаровские новобранцы стоят у отведенных им 8 последним вагонам, ждут команду на посадку. Гремит надрываясь духовой оркестр, на привокзалке большой гомон, плач, смех, причитания, где-то ошалело взвизгивает гармоника, где –то круг собрался в котором искрометно отплясывают «яблочко». Толпа гудит, шумит и голосовой рокот стоит как марево над привокзальной площадью. Старик, седой как лунь в праздничной косоворотке, дрожащей рукой крестит трех статных парней-сыновей, видать погодков и дает напутствие:

- Сыны мои, Егорка, Бориска, Степан...на правое дело идете, не посрамите нашу фамилию, не за Сталина идете воевать, за народ свой, за семьи свои, за землю нашу. Бейте супостата, гоните его с нашей земли и возвращайтесь в отчий дом живыми.....Ну а мы, как ни -будь, как сможем будем Вам помогать, да поможет Вам Бог! С Богом, ребята!

Недалеке Галя Коржавина висит на муже, обнимает, плачет и голоса то уже нет и лицо все зареванное, перекошенное, только и слышны всхлипы маленькой худенькой женщины. Александр бодрится, а кошки скребут душу то, да и маманя то, вдова Коржавина слегла совсем, ноги отказали, как узнала, что Саше повестка пришла с военкомата. Ой, худо то как. Косится по сторонам, утирая выступавшие слезы, прижимая к груди жену. А Галя говорит быстро-быстро, боится, что не будет у нее время больше выговориться с дружкой своим ненаглядным, и клянется, клянется ему в любви и ждать его будет постоянно, день и ночь, день и ночь. И только один он ей люб и только один он ее солнышко в этой жизни...И пускай он верит в это и с верой этой пускай живет, зная, что его любят и ждут...

Раздается над площадью резкий длинный паровозный гудок, и крики командиров:

- По вагонам, по вагонам....

Резко дернувшись, состав стал медленно набирать скорость....и скоро исчезло из виду и село и станция и провожающий народ...

Октябрь 1942 года. село Осакаровка.

Извещение: станция Осакаровка, улица Больничная 12, Коржавиной Галине Родионовне. «Ваш муж, красноармеец Коржавин Александр Михайлович, уроженец Сталинградской области, села Ждановка, в бою за социалистическую Родину пал смертью храбрых 3 октября 1942 года под деревней Ольховое, Смоленской области».

Горе и большая скорбь стала приходиться в дома жителей Осакаровского района.

.

Декабрь 1943 года. село Осакаровка.

Ярким солнечным морозным днем, на станции Осакаровка из проходящего литерного поезда сообщением Свердловск – Ташкент, сошла одинокая фигура, медленно развернувшись, помахала проводнику и глубже запахнувшись в шинель, бодро пошагала к центру села. Редких, одиноких прохожих спешивших по своим делам не волновал солдат с небольшим «сидором» за спиной, только одна старушка вздохнула и подумала, что у кого то сегодня праздник будет, служивый в отпуск пришел, мда, кому то видно счастье привалило. Уже подходя к десятилетней школе, столкнулся боец, а это был, Александр Коржавин со своим соседом через два дома по улице, Дементием, мужичком 50 с лишним лет. Дементий изменился аж лицом увидев Александра.

- Сашка, ты??? Живой??? О господи....

- Здорово, дядька Дементий. Как видишь, живой... живее всех живых.

Дементий застыл как сурок перед норкой, и даже руки сложил на груди, взглядом полным ужаса смотрел на обожженное лицо Александра на котором выделялся большой косой шрам-рубец тянувшийся от левого глаза к подбородку.

- Что, дядька, сильно изменился, да? – горько улыбнулся краем губ Александр.

- Да уж, Сашок, пожевала тебя смертушка то, да по ходу выплюнула, не смогла проглотить.

- Как мои, живут то, мама? Галинка? – задает вопрос Александр.

Дементий молчит, переминается с ноги на ногу. Какой то испуг и дикая слабость наваливается на Александра.

- Ну, дядька, не молчи, говори....- слабо, со стоном идущим из сердца глухо просит Александр.

- А что говорить, Сашок? Маманя твоя умерла, чай еще в октябре прошлого года, когда на тебя похоронку получили, она как слегла в мае, ноги отказали, так и не поднялась родимая, упокой господи ее душу. Ноги стало дуть, тело пошло вздуваться, водянка что ли была у ней, вроде как и лечили и кровь и жидкость из тела выпускали, ан нет, не выдюжила. Галина твоя, все ухаживала, билась с ней до последнего, вот и похоронили потом то.....

Скупые солдатские слезы проскользнули по обезображенному лицу Коржавина.

- Не тяни дядька Дементий, что с Галей?

- Да что, что, думаешь то ей легко то было, в колхозе работает по 14 часов, за матерью вон смотрела, ходила, нелегко то ей, а тут еще на тебя «похоронка» пришла, уж как она оплакивала тебя.... А вот в начале года то сошлась с командировочным одним, живут вона, ребеночек маленький у них уже.

Глухо застонал солдат, закрыв лицо руками, тут же раскрыв, захватил за руку Дементия и прошептал кусая себе губы:

- Во что, дядька Дементий, ты меня не видел, вообще не видел, ты понял? А я, уезжаю сейчас, и не кому чтоб не смел говорить, что разговаривал со мной, ты понял, дядька? – говорит, шепчет Александр тряся руку Дементию.

- Я мертвый для всех, мертвец, понимаешь? Не буду я себя мучить и людей мучить, понимаешь?

Дементий боязливо трясет головой и молчит.

- Прощай же Дементий, не поминай лихом. Александр круто разворачивается и бредет в сторону вокзала.

- Куда же ты, Сашок? –вслед ему подает голос Дементий.

-Страна большая, дядька. Проживу как ни будь...

Ох ты господи...Прости нас всех господи... - бормочет Дементий удаляющейся фигуре солдата.

Быстро выправив в железнодорожной кассе билет до станции N, Александр прошел в буфет. Цепко оглядев пустые прилавки, спросил у продавщицы:

-А что мать, плеснешь ли самогону?

-А что не плеснуть, мил человек, гроши то есть?

Сторговались быстро, получив граненый стакан с сивухой и пирожок с картошкой, Саша быстро в три глотка опрокинул стакан, закусив пирожком. По пищеводу прокатилась теплая волна. Солдат сел на скамейку в ожидании своего поезда. Горело лицо и обожженное тело. Сразу накатили воспоминания последнего боя.

Насмерть стояла его поредевшая рота в недельных боях за высоту 133,5. Был приказ, ни шагу назад, а фашисты лезли и лезли. Все подступы к высоте были завалены трупами вперемешку и бойцов РККА и солдат Вермахта. Боец Коржавин в доте около ручного пулемета, бил до последнего, короткими злыми очередями, прицельно, бил, как вбивал гвозди, резко и точно. Уже и дот немцы окружили и гранатами его закидали и напоследок ударили с огнеметов, что-бы наверняка, и пошли дальше. А через сутки откатились назад, сдавая захваченные позиции, так и нашли единственного живого Александра, обгоревшего, практически без признаков жизни похоронная команда. А дальше закрутило, понесло по госпиталям, пару месяцев вообще в сознания не приходил, врачи колдовали над ним, все сильное тело солдата в осколках от немецких гранат и ожоги сильнейшие. Кости воспалились, чистили, а когда очнулся в первый раз, так и испугался, память не приходила, даже имени своего не помнил, это уже все потом постепенно возвращалось и воспоминания пришли со временем перед выпиской. Так и задремал солдат в зале ожидания, но тут раздался окрик кассира:

-Эй солдатик, твой поезд приходит...Саша вскочил, протер лицо руками, закинул вещмешок за спину и побежал к вагонам подходящего поезда, так и не разу не оглянувшись на свое село.

Сентябрь 1956 года. село Осакаровка.

Знатный выдался год на урожай зерна в Казахстане. Целинная эпопея праздновала успех. Это была действительно победа всего народа в битве за хлеб. Налившийся колосс на безбрежных полях, трактора, жатки, машины, сплошной гул в бескрайней степи, Казахстан давал в закрома Родины 1 000 000 000 пудов зерна. Много командировочных приехало в Осакаровский район. Саша Коржавин работал по разнорядке на Батпактинской МТС (машинно-тракторной станции) и был отправлен в командировку в Казахскую ССР

еще в августе месяце из Сталинградской области где он проживал с 1945 года. Сказать, что Александр был этим обрадован, ничего не сказать. В Осакаровку он не рвался, работал в границах Батпактинской МТС. А тут вот учетчик дает команду, махнуть несколько рейсов на Осакаровский элеватор, зерно уже некуда сваливать, забит зерноток. Ближе к вечеру, во время уборки рабочий день длится долго, у 48 железнодорожного разъезда в сторону села Осакаровка шла колхозница устало перебирая ногами, свесив голову. Саша притормозил машину, приоткрыл дверь:

-Садись, подброшу до Осакаровки. Колхозница, худенькая, маленькая женщина благодарно кивнула и полезла в машину. Устало стянув с себя платок выдохнула воздух повернулась сказать что-то водителю и замерла. Большие серые зрачки у Галины (а это была она) расширились. Замер и водитель не в силах тронуть педаль газа. Александр также молча смотрел на Галину не в силах убрать взгляд.

-Сашенька, это ты? – вскрикнула Галя, вытянув вперед руки, она прижала их к правой руке Александра. Тонко завыв, заскулив по женски так щемяще-надрывно, она повалилась на колени с сидения машины и зарыдала уже в полный голос целуя ему руку. Слезы лились с ее милых глаз большим потоком, речь на первый взгляд без связная, казалось выходила из самой души.

- Родной мой... милый, да как же это так? Да почему все это так? Прости меня, я не знаю как это все... Сашеенннка.....зачем это все... ты живооооой, ты живооооой, да почемушты молчал? Да столько то лет.....ааааааа....

-Ну, будя, будя, успокойся Галинка – Александр гладил волосы этой женщины, своей бывшей жены, а в душе все кипело, играло и хотелось самому реветь белугой от накатившей боли в сердце и ни как, ни как не удавалось проглотить ком, который стал в горле все распирая и распирая....

Еще минут десять он приводил Галину в чувство, попутно рассказав, что приезжал в Осакаровку после тяжелого ранения, но узнав о смерти матери и перемене в судьбе Галины уехал в тот же день, уехал навсегда. До Осакаровки они доехали практически молча, Галина рассказала, что второго мужа Андрея забрали на фронт в 1944 году, в апреле 1945 года, он был убит под Берлином, у нее двое детей, живет одна в Сашинном доме. У поворота на улицу Больничную Саша остановил машину, Галина вылезла и с надеждой посмотрела на Александра.

-Прости меня, Саша. – единственное что она сказала, развернувшись побрела в сторону родного дома закрыв лицо руками.

В эту ночь, отработав последний рейс, Александр сдал машину в гараж, дежурному механику и ушел к себе в колхозное общежитие. Утром он рассчитался в МТС и уехал.

В рассказе все имена и фамилии изменены, совпадения случайны.

ЕВГЕНИЙ МОНЖОСОВ

краевед